

Художественный концепт *dog*: сценарий гибели собаки в американской массовой литературе

Надежда В. Рабкина^{a, @, ID1}; Ольга В. Валько^{a, ID2}

^a Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
@nrabkina@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-6623-6679>

ID2 <https://orcid.org/0000-0003-4612-5469>

Поступила в редакцию 15.09.2020. Принята к печати 29.10.2020.

Аннотация: В статье рассматривается сценарий гибели собаки в массовой американской литературе XX в. на материале романов популярного писателя Роберта Маккаммона. Причины популярности данного сценария авторы ищут в мифологии и прецедентах художественной литературы, значимых для данного лингвокультурного сообщества. Принадлежность собаки к пограничному пространству многих мифологий мира привела к тому, что в современной массовой литературе собака сохранила свои функции проводника в мир мертвых. Именно эпизод гибели собаки, экстраполируемый сознанием ребенка, становится той пороговой ситуацией, которая позволяет ему осознать собственную смертную природу, открывая ему опыт, доступный человеку только на уровне архетипических образов подсознания. Авторы делают краткий обзор научной литературы, посвященной изучению концепта *dog*, и перечисляют тексты американской лингвокультуры, ставшие прецедентными для формирования эталонного сценария гибели собаки, подкрепляя их примерами из творчества Р. Маккаммона. Сделан вывод, что массовая американская литература заимствует эталонный сценарий гибели собаки из прецедентного для американской культуры текста Уилсона Роулза «Там, где растет красный папоротник». Этот сценарий подразумевает обязательные этапы принятия и взросления. Модификация классического сценария, исключая этап принятия, приводит к стагнации развития личности персонажа или к его гибели.

Ключевые слова: популярная художественная литература, Роберт Маккаммон, архетипический образ, прецедентный текст, персонаж

Для цитирования: Рабкина Н. В., Валько О. В. Художественный концепт *dog*: сценарий гибели собаки в американской массовой литературе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4. С. 1116–1125. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1116-1125>

Введение

Когнитивная парадигма изучения художественного текста использует арсенал средств, разработанных как когнитивной лингвистикой, так и литературоведением. Основной единицей исследования в рамках такого подхода к тексту выступает художественный концепт, альтернативно называемый литературным, индивидуально-авторским или текстовым – в зависимости от материала исследования. Художественный концепт размыт и неоднозначен; он обладает высокой ассоциативностью и образностью, т. к. определяется эмоциональным и культурным опытом создателя текста, что делает его психологически более сложным образованием [1]. В результате художественный концепт изначально противоречив по своей природе: он выступает отражением субъективного опыта писателя, но при этом вписан в культурное наследие лингвокультурного социума.

Зооконцепт *собака* является универсальным, что объясняется высокой распространенностью этого животного и его давней связью с человеческим бытом. Широкая представленность номинаций этого концепта в паремическом фонде различных языков делает его популярным объектом

анализа лингвокультурных исследований. При этом древняя связь с человеческим бытом делает это животное традиционным персонажем мифов, легенд, фольклора и, как следствие, литературных произведений, в результате чего образ собаки становится предметом литературоведческого анализа. В данной работе рассматривается концепт-сценарий гибели собаки, в виде которого художественный концепт *dog* весьма часто реализуется в массовой американской литературе. В качестве материала исследования было выбрано творчество популярного автора триллеров и т. н. романов ужасов Роберта Маккаммона: на восемь романов этого автора (*Boy's Life, Stinger, Mine, Swan Song, Gone South, Mystery Walk, The Night Boat, The Listener*) приходится шестнадцать эпизодов умерщвления собак. Цель исследования – определить причины подобной популярности сценария гибели собаки в американской массовой литературе, для чего данный сценарий был рассмотрен с точки зрения психологии архетипов и с позиции его исторической прецедентности для массовой культуры в целом и культуры США в частности. Концепт-сценарий в данном случае выступает составной частью художественного

концепта *dog* в массовой литературе, вариантом его реализации.

Зоонимические концепты в целом широко представлены в паремическом фонде языка – отсюда постоянный интерес филологов к концептам, репрезентирующим домашних животных в языковой картине мира различных языков, и концепт *собака* среди таких исследований встречается наиболее часто, хотя этот концепт и нельзя назвать национально-специфическим. В англоязычной лингвокультуре собака относится к шести наиболее частотным зооморфным мифологемам (*dog, horse, cat, snake / serpent, fish, bird*), подчиненным универсальным законам языкового развития и отражающим национально-культурную специфику языковой картины мира [2]. Концепт *dog* изучается в сопоставлении с концептом *cat* на материале пословиц [3; 4] и в рамках определенного жанра [5], а также в сопоставлении с другими концептами, репрезентирующими домашних животных в составе паремий английского языка [6]. Его рассматривают как компонент фразеологических единиц в рамках сопоставительного анализа на материале нескольких языков [7–9]. Концепт *dog* рассматривается исследователями как часть английской этнозоологической иерархии [10], в сопоставлении с фразеологизмами, содержащими имена неживой природы [11], как способ изучить особенности интерпретирующих значений фразеологических единиц с компонентом-зоонимом [12] и с точки зрения оценочного потенциала соответствующих фразеологизмов [13; 14]. Он представляет интерес как средство репрезентации гендерных концептов [15] и часть метафорической модели [16], как компонент фразеологических единиц, репрезентирующих другой концепт [17; 18], и как компонент фитонимов [19] или урбанонимов [20]. Его изучают с позиции семиотики как социально-культурный антоним привычного образа волка [21], как гештальт в языковой картине мира представителя определенной профессии [22; 23], на материале профессионального сленга [24] или творчества конкретного автора [25] и т. д.

Анализ зооморфизмов с элементом *dog* в английском языке показывает, что большинство из них несут в себе отрицательную коннотацию или используются для усиления эмоциональной окрашенности высказывания [26; 27]. Что интересно, в русской картине мира символические признаки, положенные в основу метафорического переноса и составляющие ассоциативное поле концепта *собака*, варьируются от символа нечистоты, бездуховности, нищенского существования до символа свободной, разгульной жизни и мудрости, большого ума, зрелости и опыта [28].

Концепт-сценарий гибели собаки: архетипы, мифология, прецедентные тексты

Отметим, что случаи реализации данного концепта в виде сценария нигде не рассматриваются. Концепт-сценарий можно определить как динамически представленный фрейм: он предполагает развернутую во времени последовательность эпизодов [29], последовательность действий, которая

описывает часто встречающуюся ситуацию [30] – то, что на языке литературоведения можно назвать мотивом. С позиции же когнитивной лингвистики сценарий – ряд фреймов, взаимосвязь между которыми определяется причинами, целью, составом участников, последовательностью действий и т. д. [31]. Если основываться на материале романов Р. Маккаммона, то концепт-сценарий гибели собаки будет выглядеть следующим образом: появление собаки – описание собаки (призванное вызывать симпатию у читателя) – гибель собаки в результате убийства, несчастного случая, схватки с хищником и т. д. (детальное описание, призванное вызвать сочувствие) – рефлексия героя над трупом животного – различные стадии горя, через которые проходит персонаж – принятие и взросление.

Возникает вопрос: какой цели служит данный сценарий в рамках художественного произведения? Определяется ли «заупотребление» данным сценарием намеренным использованием уже порядком «избитого», но эффективного приема, нацеленного на получение эмоционального отклика у читателя? Массовая литература как часть массовой культуры представляет собой, по определению У. Эко, «пир архетипов» [32]. Логично, что авторы массовой литературы целенаправленно обращаются к тем сюжетам, образам и символам, которые бы безошибочно распознавались реципиентами и неизменно вызвали бы у них сильное эмоциональное сопереживание. Почему же сценарий гибели собаки работает настолько безотказно?

Рассмотрим данный вопрос с позиции психологии архетипов. Человеческая личность формируется под влиянием впечатлений, полученных в детские годы. А первым сильнейшим потрясением в жизни среднестатистического ребенка можно считать смерть домашнего животного. Дж. Кэмпбелл так описал осознание собственной смертности на уровне филогенеза: «в чудесном мозге человека родилось неведомое другим приматам индивидуальное сознание, объявившее не только само себя, но и один важный факт: оно, как и все, что ему дорого, рано или поздно умрет» [33, с. 25]. Гибель домашнего животного повторяет это озарение на уровне онтогенеза: на примере этого грустного эпизода ребенок впервые сталкивается со смертью, учится по-своему справляться с горем. Через этот сценарий он приобретает опыт, к которому живой человек может получить доступ только на уровне коллективного бессознательного через универсальные архетипы.

Практика повседневного общения с домашним животным, которое стало неотъемлемой частью образа дружной семьи, позволяет ребенку освоить новые роли, совершенствовать коммуникативные практики и осознать важность таких культурных ценностей, как любовь, дружба, милосердие и сострадание [34]. Гибель первого домашнего животного в жизни ребенка – своего рода пороговая ситуация.

Обратимся к прецедентным текстам американской лингвокультуры, где разворачивается сценарий гибели домашнего животного. Пожалуй, эталонный сценарий мы находим у Стивена Кинга – автора, на которого ориентируются

многие, если не все, авторы массовой литературы в США. В его повести *Pet Cemetery* (Кладбище домашних животных, 1983) отец пытается объяснить своей маленькой дочери, что ее любимый кот Черч когда-нибудь умрет: "Honey," he said, "if it was up to me, I'd let Church live to be a hundred. But I don't make the rules." "Who does?" she asked, and then, with infinite scorn: "God, I suppose"¹. Попытка объяснить пятилетнему ребенку суровые законы бытия приводит к сильной реакции отторжения: "I don't want Church to be like all those dead pets!" she burst out, suddenly tearful and furious. "I don't want Church to ever be dead! He's my cat! He's not God's cat! Let God have His own cat! Let God have all the damn old cats He wants, and kill them all! Church is mine!"².

В конце концов отец понимает, что причина истерики девочки лежит не в гипотетической смерти Черча, уже переживаемой оживленным детским воображением, а в том, что повествователь называет «замечательной, но смертельной способностью человеческого существа» мыслить и делать далеко идущие выводы – если кот по природе своей смертен, то та же участь ждет родителей девочки, ее новорожденного брата и в конечном счете ее саму: ... she wept because of the human being's wonderful, deadly ability to translate symbols into conclusions that were either fine and noble or blackly terrifying. If all those animals had died and been buried, then Church could die (any time!) and be buried; and if that could happen to Church, it could happen to her mother, her father, her baby brother. To herself³.

Следовательно, гибель домашнего питомца – сценарий, присутствующий в личном опыте большинства людей и воплощающий то неизбежное явление, переживание которого отсутствует в личном опыте индивида и проявляет себя только в коллективном бессознательном.

Знаковую в этом смысле фразу мы находим в повести все того же С. Кинга под названием *UR* (2009), где герою попадает в руки электронный бук-ридер, в который загружена литература из параллельных миров. Герой скачивает несуществующий в нашей реальности роман Эрнеста Хемингуэя, написанный им под влиянием неподтвержденного эпизода собственной биографии, когда партизаны якобы забили до смерти его собаку: *I remember him once claiming the Batista partisans clubbed his pet pooch to death, though – how's that for a factoid? You know, when he was in Cuba*⁴. Вымышленный роман начинается с рассуждения о том, что человеческая жизнь измеряется в пяти собаках: первая, которая тебя воспитала, вторая, которую воспитал ты, третью и четвертую ты пережил, а последняя переживет тебя: *A man's life was five dogs long, Cortland believed. The first was the one that taught you. The second was the one you taught.*

*The third and fourth were the ones you worked. The last was the one that outlived you*⁵.

Можно сказать, что сценарий гибели собаки в американской массовой литературе описывает гибель этой самой «первой собаки», которая, по словам «короля ужасов», «научила тебя чему-то». При этом любопытно, что у самого С. Кинга, в отличие от Р. Маккаммона, в сценарии убийства домашнего животного в большинстве своем фигурируют кошки (*Secret Window, Secret Garden; Lisey's Story*). У С. Кинга собаки довольно часто выступают представителями сил зла (*Sun Dog, Cujo, Silver Bullet*) и зачастую входят в состав традиционного для творчества данного писателя концепта *несвобода* [35].

Откуда у концепта *dog* такая полярная коннотация? Если обратиться к мифологии, то выяснится, что художественный концепт *собака* сохранил связь этого животного с потусторонним миром, которую приписывают ему народные легенды. Так, по данным исследований зоонима *dog* в субстратной лексике, преобладающая негативная коннотация объясняется отрицательными ассоциациями с образом собаки, навязанными английской мифологией, народными поверьями – собака в них является обитателем потустороннего мира, вестником смерти, зла и несчастий [27]. Вспомним черного пса валлийской и ирландской мифологии, «дикую охоту» германской мифологии, оборотней европейских легенд, «серого волка» немецких сказок и т. д.

Но мифологическим образом в целом присуща многозначность: все, что связано с ночью, темнотой, потусторонним миром, связано и с мудростью, открытием запретных тайн. Примером может послужить такой персонаж перехода, как древнеегипетский Анубис – проводник душ в загробное царство. Вспомним Св. Христофора, который в некоторых христианских традициях изображался с головой собаки, койота-трикстера американской мифологии, псов, сопровождавших Гермеса и Асклепия – бога медицины, волчицу, вскормившую Ромула и Рема, и т. д. В конце концов тот же серый волк способен предстать в образе мудрого советчика и волшебного помощника. В этом плане любопытно, что у Р. Маккаммона есть цикл произведений о хорошем оборотне, который борется со злом в нацистской Германии (*The Wolf's Hour*, 1989).

Таким образом, в сценарии гибели собаки это животное служит той же цели, что и древнегреческий Цербер – страж загробного мира: собака предстает носителем и передатчиком сакрального знания, осознания собственной бренности, которая делает человека человеком.

Сценарий гибели собаки не является изобретением современной американской массовой литературы. Обратимся к прецедентам. Можно предположить, что сценарий гибели

¹ King S. *Pet Cemetery*. N. Y.: Hodder & Stoughton, 1983. P. 49.

² Там же.

³ Там же. P. 50.

⁴ King S. *UR // The Bazaar of Bad Dreams: Stories*. N. Y.: Simon and Schuster, 2009. P. 300.

⁵ Там же. P. 228.

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-4-1116-1125

собаки находит эмоциональный отклик у каждого читателя не только из-за пережитой многими детской травмы, но и как результат общего для англоязычной аудитории читательского опыта. Англоязычная литература демонстрирует противоречивость образа собаки: от преданных и верных помощников человека у Джека Лондона до пса-убийцы в повести Артура Конан Дойла «Собака Баскервиллей» и воющих в ночи предвестников скорой гибели из готических романов [2].

Можно вспомнить т. н. «феномен фламандского пса» [36]. Речь идет о детской повести *A Dog of Flanders* (1872) английской писательницы Мари Луиз Раме (псевдоним *Ouida*): мальчик-сирота, из которого мог бы вырасти талантливым живописец, умирает от холода и одиночества вместе со своим верным псом Патрашем прямо в рождественскую ночь на полу Антверпенского собора перед картиной Рубенса. Тела мальчика и собаки невозможно разделить, и их, в порядке исключения, хоронят в одном гробу: *All their lives they had been together, and in their deaths they were not divided: for when they were found the arms of the boy were folded too closely around the dog to be severed without violence, and the people of their little village, contrite and ashamed, implored a special grace for them, and, making them one grave, laid them to rest there side by side – forever!*⁶ Эта история, практически не известная в самой Фландрии, обрела статус культового произведения в Японии. Предположительно, японскому менталитету очень близок образ одинокого самурая, павшего в неравной борьбе с судьбой: *"Let us lie down and die together," he murmured. "Men have no need of us, and we are all alone"*⁷. Не менее популярна эта книга и в США, где в период 1914–1999 гг. она была экранизирована пять раз, причем печальный финал был сохранен только в режиссерской версии самой первой экранизации.

Но наибольшее значение для носителей американской лингвокультуры имеет эпизод гибели собаки в повести Уилсона Роула *Where the Red Fern Grows* (1961), которая в США входит в обязательную школьную программу и представлена большим количеством методических разработок. Эта книга – такой же прецедентный текст американской культуры, как «Каштанка» или «Белый Бим, Черное Ухо» – для русской. У. Роулз написал «Там, где растет красный папоротник» под впечатлением «Зова предков» Дж. Лондона, повествующего о преданности и героизме ездовых собак. В повести У. Роула речь идет о дружбе мальчика и двух собак, одна из которых в конечном итоге гибнет в неравной схватке с пумой, а вторая умирает от тоски. Взрослого читателя может поразить жестокость и реалистичность предназначенного для детей младшего школьного возраста подробного описания гибели первой

собаки, которой пума выпустила внутренности: *I found Old Dan lying on his side, pleading for help. What I saw was almost more than I could stand. There, tangled in the low branches of a huckleberry bush, were the entrails of my dog. With a gasping cry I knelt down by his side. I knew what had happened. Far back in the soft belly, the slashing, razor-sharp claws of the lion had cut into the hollow. In my inspections I had overlooked the wound. His entrails had worked out and had become entangled in the bush. The forward motion of his body had done the rest. With trembling hands, I unwound the entrails from the bush. With my handkerchief I wiped away the gravel, leaves, and pine needles. With fingers that shook, I worked the entrails back into the wound*⁸. Смерть собаки становится воплощением абсолютной любви, невинной жертвы или осознанной жертвенности – способности отдать свою жизнь за того, кого любишь, предопределив нравственное развитие ребенка.

Сценарий гибели собаки в творчестве Р. Маккаммона

Прецедентный характер повести У. Роула для развития сценария гибели собаки в американской популярной литературе хорошо прослеживается на исследуемом материале. У Р. Маккаммона в фантастическом романе-антиутопии *Swan Song* (1987) буквально цитируется сценарий убийства собаки крупной дикой кошкой. Правда, в данном случае это двухголовая рысь-мутант, атакующая героев на просторах постапокалиптической Америки: *But it was hit in mid-air by another form, and Killer almost took one of the monster's ears off. They landed in a clawing, shrieking fury, hair and blood flying. But the battle was over in another instant as the massive bobcat twisted Killer on his back and one of the fanged mouths tore the terrier's throat open. Killer made an effort to rise to all fours when he heard Swan's voice, but his body was beyond control. His head was hanging limply, and as Killer toppled back on his side Josh could see that the dog's eyes were already glazing over*⁹.

В другом романе Р. Маккаммона, *Boy's Life* (1991), мы также находим совершенно аналогичное описание собачьих внутренностей в эпизоде, когда мальчик пытается вытащить из воды тонущую дворняжку, а гигантский морской змей в этот самый момент откусывает ее нижнюю половину: *... suddenly there was no more of the dog beyond the middle of its back, no hindquarters, no tail, no hind legs, nothing but a gaping hole that started spilling a torrent of black blood and steaming guts*¹⁰. Похожая по степени жестокости сцена повторяется в этом же романе, но на качественно новом уровне: убийство человеком бродячей собаки выступает аллегорией той полной греха и разврата жизни, которую ведут люди в больших городах: *A small white dog was searching desperately through garbage cans, its ribs showing. Suddenly a hulking man was there, and he said, "Now I've got*

⁶ Ramée L. de la. *A Dog of Flanders: The Nürnberg Stove*. Frankfurt Am Main, Germany, 2018. P. 37.

⁷ Там же. P. 28.

⁸ Rawls W. *Where the Red Fern Grows*. N. Y.: Gardners Books, 2016. P. 230.

⁹ McCammon R. *Swan Song*. N. Y.: Pocket Books, 1987. P. 521.

¹⁰ McCammon R. *Boy's Life*. N. Y.: Open Road Media, 2011. P. 55.

you" as the dog stood staring at him with a banana peel in its mouth. The man lifted a baseball bat and slammed it down across the dog's back. The dog howled with pain and thrashed, its spine broken, the banana peel lost. The man stood over it, and he lifted the baseball bat and brought it down and then the dog had no more muzzle or eyes, just a smashed red ruin. The white legs kept kicking, as if trying to run. "Little piece a shit," the man said, and he stomped the skinny ribs with his boot¹¹.

Натуралистичность первоисточника У. Роулза мультиплицируется в массовой литературе. Аналогичный классический пример сценария умерщвления собаки можно привести из современной британской литературы: детальное описание проткнутого вилами труп собаки можно обнаружить на первых страницах романа *The Curious Incident of the Dog in the Night Time* (2003) Марка Хаддона, где мальчик-аутист пытается расследовать жестокое убийство соседской собаки: *The dog was lying on the grass in the middle of the lawn in front of Mrs. Shears's house. Its eyes were closed. It looked as if it was running on its side, the way dogs run when they think they are chasing a cat in a dream. But the dog was not running or asleep. The dog was dead. There was a garden fork sticking out of the dog. The points of the fork must have gone all the way through the dog and into the ground because the fork had not fallen over. (...) I pulled the fork out of the dog and lifted him into my arms and hugged him. He was leaking blood from the fork holes*¹². В итоге мальчик выясняет, что собаку убил его собственный отец, разъяренный отказом соседки связать с ним свою жизнь, в которой пудель занимает главное место: *I think she cared more for that bloody dog than for me, for us. And maybe that's not so stupid, looking back. Maybe we are a bloody handful. And maybe it is easier living on your own looking after some stupid mutt than sharing your life with other actual human beings*¹³. Примечательно, что схематичное изображение мертвого пса с торчащими из него вилами вынесено на обложку первого издания книги.

Складывается впечатление, что сценарий смерти любимой собаки – необходимый этап, через который должен пройти человек. В повести У. Роулза подробно описаны все стадии этого перехода, и в этом плане данный сценарий становится своего рода эталоном для всех авторов-последователей, которые будут его задействовать. Сначала мальчик негодует на Бога за то, что его молитвы не были услышаны (*"I don't believe in prayers any more," I said. "I prayed for my dogs, and now look, both of them are dead"*¹⁴), а потом находит утешение в религии, уповая на то, что существует специальный рай для хороших собак (*"Мама," I asked, "do you think God made a heaven for all good dogs?" "Yes," she said, "I'm sure He did"*¹⁵).

Психологическое «застревание» в этой пороговой ситуации, неспособность ее преодолеть, ведет к трагическим последствиям. Так, в романе «Жизнь мальчишки» Р. Маккаммона сценарий гибели собаки задействован три раза, и в последнем случае особое значение претерпевает его последняя часть: рефлексии и стадии горя. Автор вносит в прецедентный сценарий У. Роулза элемент фантастического: небеса отвечают на молитву мальчика об исцелении его сбитой грузовиком собаки. Он просит высшие силы «закрыть врата смерти», и смерть, чьей метафорой выступает голодный зверь, отступает: *I prayed, with my eyes squeezed tightly shut and the tears burning trails down my face. I don't recall exactly what I said in that prayer, but I knew what I was praying for. I was praying for a hand to come down from heaven or paradise or Beulah land and shut the gates on DEATH. Hold those gates firm against DEATH, though DEATH might bluster and scream and claw to get in at my dog. (...) I prayed with my heart and my soul and my mind. I prayed through every pore of my flesh, I prayed as if every hair on my head was a radio antenna and the power was crackling through them, the mega-megamillion watts crying out over space and eternity into the distant ear of the all-knowing, all-powerful Someone. Anyone. Just answer me. Please*¹⁶. Но жизнь, к которой сила молитвы возвращает измученное животное, оказывается жалким существованием зомби, и в конце концов главный герой вынужден смириться с потерей и усыпить пса, подарив его тем самым одинокому призраку соседского мальчика, у которого при жизни не было собаки. Примечательно, что этот же сценарий воскрешения собаки Р. Маккаммон более детально развил в одном из своих ранних романов, *Mystery Walk* (1983), где мальчик, вернувшийся к некоему подобию жизни своего сбитого машиной пса, становится телепроповедником и лжепророком.

Как уже было отмечено, в эталонном сценарии гибель собаки – необходимый этап взросления, который учит ребенка принятию неизбежного. У Р. Маккаммона пережитая в детстве гибель собаки может задать вектор развития всей последующей жизни ребенка-хозяина. Так, в романе *The Listener* (2018) девочка, чью собаку и щенков сжег маньяк в самой первой главе, в последней предстает активисткой движения за права животных, чьи заслуги признаны самим президентом США.

Неспособность пережить гибель собаки наказуема, и отступление от эталонного сценария, предложенного когда-то У. Роулзом, грозит последствиями для главного героя. Один из персонажей романа Р. Маккаммона *Stinger* (1988) подвинулся рассудком, когда ему во время второй мировой войны пришлось застрелить служебную собаку,

¹¹ Там же. P. 239.

¹² Haddon M. *The Curious Incident of the Dog in the Night Time*. London: Jonathan Cape, 2004. P. 3.

¹³ Там же. P. 151.

¹⁴ Rawls W. *Where the Red Fern Grows ...* P. 242.

¹⁵ Там же.

¹⁶ McCammon R. *Boy's Life ...* P. 177.

которая, сойдя с ума в хаосе боя, хотела принести ему в окоп неразорвавшуюся гранату, думая, что это палка: "I killed him ... before the grenade went off. I know I did. I saw his eyes go dead. And then the grenade blew. Didn't make a loud noise. Not loud. And then there was nothin' left of him ... except what was all over me"¹⁷.

Еще один персонаж этого же романа, мизантроп и наркоторговец, любил двух своих доберманов больше кого бы то ни было: *The two dogs never judged him, or pressured him, or gave him bad vibrations. They were always ready to rip the throats out of his enemies, and they obeyed without question: to him, that was true friendship. (...) The dogs were his friends, his good-luck charms, his bodyguards, his power translated into animal form. Screw humans, he thought. None of them were worth a shit. Only the dogs mattered*¹⁸. В итоге захватившие городок инопланетяне трансформировали его в чудовище, у которого из груди растет голова добермана: *Mack Cade had a left arm, but his right one was squashed and melted into something that had grown from his chest. It was a black-streaked lump of meat with a flat, almost reptilian head on a squat and muscular neck. In that head were slanted amber eyes, and two stubby, deformed legs dangled from the bony wedges of its shoulders. Jessie knew what it was: a dog. One of Cade's Dobermans, implanted in the thing's chest like a bizarre Siamese twin*¹⁹.

В другом романе Р. Маккаммона, *Gone South* (1992), персонаж по кличке Пелвис посвятил всю свою жизнь прославлению Элвиса Пресли, и его привязанность к собачонке по кличке Мама (в честь матери певца) граничит с безумием. Когда в финале романа один из антагонистов делает из собаки жаркое, Пелвис переживает символическую смерть, а потом возвращается к жизни, обретя свою собственную индивидуальность, не имеющую ничего общего с известным певцом: *Pelvis was already brain-blasted; seeing that man eat Mama for breakfast had done him in. He knew what was waiting for him, but without Mama – without his adored companion – life wasn't worth living. He walked to the edge*²⁰. Смерть домашней питомицы, таким образом, помогла ему повзрослеть и перейти на новый жизненный этап: эталонный сценарий гибели собаки все-таки реализовался.

Сценарий гибели собаки, которую герой не в состоянии перенести, и мотив привязанности человека к собаке, которую он не в состоянии перерастить, вполне могли войти в массовую литературу из другого прецедентного текста англоязычной лингвокультуры – рассказа Харлана Эллисона

A Boy and His Dog (1969), который стал классикой постапокалиптической фантастики, несмотря на свою мизогинистическую репутацию [37]. В пост-ядерной Америке высокообразованная и начитанная собака-мутант по кличке Блад заботится о своем юном хозяине Вике. Сообразительность Блада помогает Виду выживать, а нюх – находить женщин. На определенном этапе прагматичный и жестокий Вик начинает испытывать некое подобие любви к девушке, но неожиданный поворот сюжета ломает традиционный паттерн «истории воспитания»: Вик без колебаний убивает девушку, чтобы ее мясом накормить умирающего от голода пса. В конце рассказа пес спрашивает своего «подопечного»: "Do you know what love is?", на что Вик, не задумываясь, отвечает: "Sure, I know. A boy loves his dog"²¹.

Следовательно, в массовой американской литературе любые модификации последнего этапа эталонного сценария гибели собаки, предполагающего принятие и взросление, влияют на дальнейшее развитие сюжета.

Заключение

Художественный концепт *dog* отражает ту же неоднозначность, которую филологи обнаруживают, анализируя соответствующие фразеологизмы и мифологемы: с одной стороны, благодаря своему родству с волком, собака выступает персонажем многих романов ужасов; с другой – это верный друг, способный существенно повлиять на становление личности человека.

Художественный концепт *dog* в американской массовой литературе часто разворачивается в виде сценария гибели домашнего животного и подразумевает последовательность определенных этапов. Анализ культурно значимых текстов позволяет сделать вывод о том, что эталонный сценарий появился в 1961 г. в рассказе У. Роулза *Where the Red Fern Grows*. В этом сценарии собака представлена носителем и передатчиком знания о смертной природе человека, а ее гибель – необходимым этапом взросления и развития личности. Данный сценарий соответствует традиционной для многих мифологий роли собаки как проводника между мирами мертвых и живых, и цель его – апеллировать к тому опыту, который в виде архетипических образов запечатлен в подсознании читателя. Анализ романов Р. Маккаммона показал, что современная американская литература сохраняет этот сценарий и модифицирует его: отход от эталона приводит к физической или духовной гибели персонажа.

Литература

1. Маслова В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой. М.: Флинта, 2004. 256 с.
2. Добрикова К. А. Бестиарий в национальной языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 215 с.

¹⁷ McCammon R. Stinger. N. Y.: Integrated Media, 2011. P. 167.

¹⁸ Там же. P. 193.

¹⁹ Там же. P. 243.

²⁰ McCammon R. *Gone South*. N. Y.: Integrated Media, 2011. P. 251.

²¹ Ellison H. *A Boy and His Dog* // *World's Best Science Fiction*. Ace Pub., 1970. P. 235.

3. Бутина А. А. Роль внутренней формы фразеологических предложений и словосочетаний для описания структуры зооконцепта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. № 4. С. 107–109.
4. Бутина А. А. Концепты CAT и DOG в английской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 253 с.
5. Воронцова Т. И., Слободская А. В. Языковая репрезентация зооконцептов «cat» и «dog» в английской литературной сказке // Проблемы современной филологии и лингводидактики. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. Вып. 6. С. 8–12.
6. Абакумова И. А., Степанова С. И. Лингвокультурологический анализ английских паремий с зоонимическим компонентом «домашние животные» // Исследователь года 2020: сб. ст. III Междунар. науч.-исслед. конкурса. (Петрозаводск, 5 апреля 2020 г.) Петрозаводск: Новая Наука, 2020. С. 306–309.
7. Скитина Н. А. Лингво-когнитивный анализ фразеологических единиц с зоонимным компонентом (на материале русского, английского и немецкого языков): автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2007. 20 с.
8. Ганиева Э. С., Исмаилова С. А. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в крымскотатарском и английском языках: лингвокультурологический аспект // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2016. № 3. С. 25–29.
9. Кулькова М. А., Галимуллина Р. И. Когнитивно-дискурсивное изучение паремиологических единиц с компонентом-зоонимом в английском и русском языках // Филология и культура. 2015. № 3. С. 82–88.
10. Goddard C. A semantic menagerie: the conceptual semantics of ethnozoological categories // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 3. С. 539–559. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-539-559
11. Егорова А. В. Имена живой и неживой природы в аксиологическом и концептологическом аспектах (на материале пословично-поговорочного фонда английского языка): автореф. ... дис. канд. филол. наук. Иваново, 2006. 22 с.
12. Беляева И. В. Интерпретирующая природа фразеологических единиц с компонентом-зоонимом // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 3. С. 103–109. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-3-103-109
13. Лызлов А. И. Аксиологические измерения зооморфных фразеологизмов (на материале английских фразеологических единиц) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 6. С. 67–77.
14. Лызлов А. И. Оценочный потенциал зоонимических концептов в английских фразеологизмах // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 4. С. 44–50. DOI: 10.25688/2076-913X.2019.36.4.05
15. Шарова А. А. Зооморфизмы как средство репрезентации гендерных концептов в английской лингвокультуре // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. 1. № 3. С. 144–148.
16. Агафонова О. И. Метафорическая модель "politics is animal world" в политическом дискурсе (на материале американских и британских интернет-СМИ): автореф. ... дис. канд. филол. наук. Белгород, 2012, 23 с.
17. Гимадеева А. А. Концепт «счастье» в татарских и английских фразеологических единицах с компонентом-зоонимом // Актуальные вопросы образования и науки: сб. науч. тр. по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф. (Тамбов, 31 января 2018 г.) Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2018. Ч. 3. С. 35–36.
18. Антонова А. Б. Роль зоонимов в репрезентации понятийной, образной и оценочной составляющих концепта DRINKING // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 4. С. 149–155.
19. Котова Н. С. Лингвокультурологические особенности английских названий цветов // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 8. С. 32–37.
20. Молчанова Г. Г. Когнитивный диссонанс как трансакционный прием построения урбанонима // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 8–16.
21. Бобылева Н. И., Евсеева О. В. Семиотика отношений «волк – собака – человек» и их отражение в текстах культуры // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 91–101.
22. Ерофеева И. В., Бочарников В. Н. Собака как гештальт в языковой картине мира охотника: дискурс специализированных журналов // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 1. С. 30–40. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-30-40
23. Ерофеева И. В., Бочарников В. Н. Концепт «собака» в дискурсе охотничьих журналов // Sciences of Europe. 2019. № 37-3. С. 32–35.
24. Бруквина В. А. Опыт описания структуры зооконцептов в военном сленге // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2014. № 5. С. 20–23.
25. Александрова Ю. М., Горшунов Ю. В. Авторские метафоры и сравнения, основанные на образе собаки, в творчестве Джеральда Даррелла // Вестник БашГУ. 2016. Т. 21. № 3. С. 698–705.
26. Кочелорова Ю. К. Особенности перевода фразеологических единиц с зоосемическим компонентом dog с английского на русский язык // Вестник научных конференций. 2019. № 7-2. С. 61–61.
27. Метельская Е. В. Образ человека в английской и русской субстандартной лингвокультурах (на материале зоонимов английского и русского языков): автореф. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2012. 26 с.

28. Маругина Н. И. Концепт «собака» как элемент русской языковой картины мира // *Язык и культура*. 2009. № 2. С. 11–30.
29. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. 123 с.
30. Shank R. C., Abelson R. P. *Scripts, plans, goals, and understanding*. N. Y.: Taylor & Francis, 1977. 266 p.
31. Луговской А. В. Концепт-сценарий «погоня» в «островных» произведениях английской литературы // *Язык и культура: вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе: мат-лы науч.-практ. конф.* (Хабаровск, 15 мая 2014 г.) Хабаровск: ТОГУ, 2014. С. 265–270.
32. Eco U. *Casablanca, or, The Clichés are Having a Ball* // Maasik S., Solomon J. *Signs of Life in the U.S.A.: Readings on Popular Culture for Writers*. Boston: Bedford Books, 1994. P. 260–264.
33. Кэмпбелл Дж. Мифы, в которых нам жить. К., М.: София; Гелиос, 2002. 256 с.
34. Храмова М. Н. Семантика зооморфных образов в современной европейской культуре: дис. ... канд. культурологии. СПб., 2015. 206 с.
35. Рабкина Н. В. Художественный концепт «несвобода» в творчестве Стивена Кинга // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2012. № 4-4. С. 112–115.
36. Vanacker H. *Death in a Cathedral* // *The Low Countries 18: Arts and Society in Flanders and the Netherlands*. 2011. Vol. 18. P. 282–283.
37. Weil E., Wolf G. K. *Harlan Ellison: the edge of forever*. Ohio State University Press, 2002. 276 p.

original article

Literary Concept of Dog: Dog's Death Scenario in American Mass Fiction

Nadezda V. Rabkina^{a, @, ID1}; Olga V. Valko^{a, ID2}

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

@ nrabkina@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-6623-6679>

ID2 <https://orcid.org/0000-0003-4612-5469>

Received 15.09.2020. Accepted 29.10.2020.

Abstract: The present research featured the dog's death scenario in twentieth-century American mass fiction based on Robert McCammon's novels. The authors believe that the popularity of this scenario has its roots in mythology and precedent texts of the lingua-culture in question. In global mythology, dogs dwell in the twilight zone between the world of the living and the world of the dead. Modern mass literature preserved this function of the dog as a guide into the other world. As a child extrapolates the episode of their pet's death, they enter the threshold situation that triggers the awareness of their own death, thus providing access to experience available only at subconscious level. The authors review scientific publications that feature the concept of dog, give classical examples of American literature that shaped the etalon scenario of a dog's death, and support them with episodes from R. McCammon's works "Where the Red Fern Grows". Modern mass fiction adopted the etalon scenario of a dog's death from a story by Wilson Rawls. This scenario presupposes obligatory stages of acceptance and coming-of-age. Any modifications of the etalon scenario result in stagnation or death of the personage.

Keywords: popular fiction, Robert McCammon, archetypal image, precedential text, personage

For citation: Rabkina N. V., Valko O. V. *Literary Concept of Dog: Dog's Death Scenario in American Mass Fiction*. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(4): 1116–1125. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1116-1125>

References

1. Maslova V. A. *Poet and culture: concept sphere of Marina Tsvetaeva*. Moscow: Flinta, 2004, 256. (In Russ.)
2. Dobrikova K. A. *Bestiary in the national picture of the world*. Cand. Philol. Sci. Diss. Chelyabinsk, 2005, 215. (In Russ.)
3. Butina A. A. The role of the inner form of phraseological sentences and phrases for the description of the structure of a zooconcept. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, 2011, (4): 107–109. (In Russ.)
4. Butina A. A. *Concepts CAT and DOG in the English linguistic picture of the world*. Cand. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2012, 253. (In Russ.)

5. Vorontsova T. I., Slobodskaya A. V. The linguistic representation of the zoo concepts "cat" and "dog" in the English literary tale. *Problems of modern philology and linguodidactics*. St. Petersburg: RGPU im. A. I. Gertsena, 2014, 8–12. (In Russ.)
6. Abakumova I. A., Stepanova S. I. Linguacultural analysis of the English paremies with the "pets" zoonomic component. *Explorer of the Year 2020: Proc. III Intern. Sci.-Research Competition*, Petrozavodsk, April 5, 2020. Petrozavodsk: Novaia Nauka, 2020, 306–309. (In Russ.)
7. Skitina N. A. *Lingua-cognitive analysis of phraseological units with a zoonym (based the Russian, English, and German languages)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2007, 20. (In Russ.)
8. Ganiyeva E. S., Ismailova S. A. Phraseological units with the zoonym component in Crimean Tatar and English languages: linguacultural aspect. *Questions of the Crimean Tatar philology, history and culture*, 2016, (3): 25–29. (In Russ.)
9. Kulkova M. A., Galimullina R. I. A cognitive – discourse study of paroemiological units with a zoonym component in the English and Russian languages. *Philology and Culture*, 2015, (3): 82–88. (In Russ.)
10. Goddard C. A semantic menagerie: the conceptual semantics of ethnozoological categories. *Russian Journal of Linguistics*, 2018, 22(3): 539–559. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-539-559
11. Egorova A. V. *Names of animate and inanimate nature in axiological and conceptological aspects (based on the proverbial and proverbial fund of the English language)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Ivanovo, 2006, 22. (In Russ.)
12. Beliaeva I. V. The interpreting nature of phraseological units with the zoonym component. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2019, (3): 103–109. (In Russ.) DOI: 10.20916/1812-3228-2019-3-103-109
13. Lyzlov A. I. The axiological dimension zoomorphic phraseological units. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2017, (6): 67–77. (In Russ.)
14. Lyzlov A. I. Evaluative potential of zoonymic concepts in English phraseological units on the example of publicist texts. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie*, 2019, (4): 44–50. (In Russ.) DOI: 10.25688/2076-913X.2019.36.4.05
15. Sharova A. A. Zoomorphisms as a means of representation of gender concepts in the English linguistic culture. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, 2010, 1(3): 144–148. (In Russ.)
16. Agafonova O. I. *Metaphorical model "politics is animal world" in political discourse (based on American and British online media)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Belgorod, 2012, 23. (In Russ.)
17. Gimadeeva A. A. The concept of "happiness" in Tatar and English phraseological units with a zoonym. *Topical issues of education and science: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Tambov, January 31, 2018. Tambov: Konsaltingovaia kompaniia Iukom, 2018, pt. 3, 35–36. (In Russ.)
18. Antonova A. B. The role of zoonyms in representation of notional, image-bearing and evaluative aspects of the concept DRINKING. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2010, (4): 149–155. (In Russ.)
19. Kotova N. S. Linguaculturological features of English color names. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2007, (8): 32–37. (In Russ.)
20. Molchanova G. G. Cognitive dissonance as a transactional mechanism of the urbanonimic formation. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, (1): 8–16. (In Russ.)
21. Bobyleva N. I., Evseeva O. V. The semiotics of "wolf-dog-man" relations and their reflection in the culture's. *Znenie. Ponimanie. Umenie*, 2014, (2): 91–101. (In Russ.)
22. Erofeeva I. V., Bocharnikov V. N. Dog as gestalt in hunter's linguistic view of the world: specialized magazine discourse. *Humanitarian Vector*, 2019, 14(1): 30–40. (In Russ.) DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-30-40
23. Erofeeva I. V., Bocharnikov V. N. Concept "dog" in the discourse of hunting magazines. *Sciences of Europe*, 2019, (37-3): 32–35. (In Russ.)
24. Brukvina V. A. Experience of structure description of zooconcepts in military slang. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2014, (5): 20–23. (In Russ.)
25. Aleksandrova Yu. M., Gorshunov Yu. V. Author's metaphors and similes based on the dog image in the works by Gerald Durrell. *Vestnik BashGU*, 2016, 21(3): 698–705. (In Russ.)
26. Kochelorova Yu. K. Translation of idioms with zoonsemantic component dog deom Russian into English. *Vestnik nauchnykh konferentsii*, 2019, (7-2): 61–61. (In Russ.)
27. Metelskaya E. V. *Image of man in English and Russian substrate linguacultures (based on English and Russian zoonyms)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. 2012, 26. (In Russ.)
28. Marugina N. I. The concept "dog" as the element of the Russian language picture of the world. *Yazyk i kul'tyra*, 2009, (2): 11–30. (In Russ.)
29. Boldyrev N. N. *Cognitive semantics: lectures in English philology*. Tambov: Izd-vo TGU, 2001, 123. (In Russ.)
30. Shank R. C., Abelson R. P. *Scripts, plans, goals, and understanding*. N. Y.: Taylor & Francis, 1977, 266.

31. Lugovskoy A. V. Scenario concept of chase in English insular fiction. *Language and Culture: Issues of modern philology and teaching languages at university*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Khabarovsk, May 15, 2014, Khabarovsk: TOGU, 2014, 265–270.
32. Eco U. Casablanca, or, The Clichés are Having a Ball. Maasik S., Solomon J. *Signs of Life in the U.S.A.: Readings on Popular Culture for Writers*. Boston: Bedford Books, 1994, 260–264.
33. Campbell J. *Myths to Live By*. Kiev, Moscow: Sofia; Gelios, 2002, 256. (In Russ.)
34. Khramova M. N. *Semantic of zoomorph images in modern European culture*. Cand. Cultural Studies Sci. Diss. St. Petersburg, 2015, 206. (In Russ.)
35. Rabkina N. V. The concept of unfreedom in Stephen King's works. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (4-4): 112–115. (In Russ.)
36. Vanacker H. Death in a Cathedral. *The Low Countries 18: Arts and Society in Flanders and the Netherlands*, 2011, 18: 282–283.
37. Weil E., Wolf G. K. *Harlan Ellison: the edge of forever*. Ohio State University Press, 2002, 276.